

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-27.0d8k-ez49

EDN: WRHEEM

УДК 316.334.55

МАКСИМ АЛЕКСЕЕВИЧ АЛЕКСАНДРОВ

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия*

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

Плюснин Ю. М.

Социальная структура провинциального общества.

М.: Common Place;

Фонд социальных исследований «Хамовники»,

2022. 448 с. ISBN 978-5-6046947-6-3

Аннотация. Монография Ю. М. Плюснина «Социальная структура провинциального общества» представляет собой обобщение многолетних авторских исследований трехсот провинциальных городов России. Ученый преследует основную цель — исследовать социальную структуру провинциальных обществ, которая включает в себя принципы и механизмы их взаимодействия с учетом конкретных характеристик каждого региона. Методологической рамкой исследования выступают феноменологический подход и метод структурно-функционального анализа. Основной упор при сборе эмпирических данных автор монографии делает на включенное наблюдение и интервью.

Ключевые слова: провинция, сообщество, социальная структура, качественная методология

Ссылка для цитирования: Александров М. А. Провинциальные сообщества в современной России. Рецензия на книгу: Плюснин Ю. М. Социальная структура провинциального общества. М.: Common Place; Фонд социальных исследований «Хамовники», 2022. 448 с. ISBN 978-5-6046947-6-3 // Петербургская социология сегодня. — 2025. — № 27. — С. 108–119. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-27.0d8k-ez49; EDN: WRHEEM

Монография Ю. М. Плюснина представляет собой весьма трудоемкое социологическое исследование, работа над которым длилась с 1980-х гг. В формате полевых исследований Ю. М. Плюсин изучал провинциальные города России, им было исследовано порядка 300 «провинциальных сообществ». «Провинциальные сообщества» — специфический социологический концепт, формируемый автором для отражения особенных для российского общества образований, которые занимают промежуточное состояние между большими и средними городами, с одной стороны, и селами — с другой. В свою очередь, всякое провинциальное общество представляет собой конгломерат местных сообществ. Ю. М. Плюсин различает провинциальные и местные общества. Провинциальные общества — более широкий тип социальной общности, которое в своей структуре имеет местные сообщества. Если провинциальные сообщества в большей степени выступают как методологический конструкт, то местные сообщества предстают как реальный социальный феномен, отличающийся своими наблюдаемыми социологическими признаками и включающий в себя еще более мелкие образования — общины, формирующиеся по принципам кровного родства и соседских взаимоотношений. Общины выступают в качестве фундаментальной ячейки российского общества, из которой последовательно формируются более крупные социальные общности. Исследование социальной структуры подобных провинциальных обществ России — ключевая цель работы автора. Эта структура включает в себя не только указанные компоненты, но также принципы и механизмы их взаимодействия с учетом конкретных характеристик каждого региона.

Главным трендом в исследованиях социальной стратификации современной России является тезис о все более возрастающей поляризации социальных классов. Многие авторы утверждают, что подобная поляризация формирует риск социальной напряженности. Так, О. И. Шкаратан утверждает, что сегодня в России «сложился своеобразный тип социальной стратификации, который представляет собой переплетение по-прежнему доминирующей сословной иерархии, определяемой рангами во властной структуре, и элементов классовой дифференциации, задаваемой владением собственностью и различиями по месту на рынке труда» (Шкаратан 2012). О. И. Шкаратан опирается на классические объективистские категории социальной стратификации, и, применяя их, он убежден в их репрезентативности относительно российского общества. Однако Плюсин показывает, что за официальными критериями вроде владения собственностью и местом на рынке

труда стоят неформальные отношения и статусы, которые в большей степени отражают реальное положение дел.

Важно отметить, что, с точки зрения Ю. М. Плюснина, процессы цифровизации не трансформируют внутреннюю структуру социальной стратификации России, но лишь дополняют и обеспечивают стабильность существующей. В. Л. Иноземцев видит в процессах цифровизации фактор изменения социальной структуры российского общества, где социальное неравенство только увеличивается за счет возникновения асимметрии в интеллектуальном потенциале граждан. По В. Л. Иноземцеву, эти процессы приводят к отказу от господствующей роли вещных материальных факторов и снимают любые препятствия росту социального и имущественного неравенства. «Будучи порождено не относительно условными и внешними характеристиками вещного богатства, а сущностными отличиями внутреннего потенциала членов общества, новое классовое деление может стать гораздо более жестким, чем в эпоху господства частной собственности» (Иноземцев 2000: 13). У Ю. М. Плюснина же, напротив, цифровизация позволяет членам провинциальных обществ сохранять свое социальное и экономическое положение, свою идентичность и доступ к благам (чаще всего этот доступ является неформальным).

Методологической рамкой исследования выступают феноменологический подход и метод структурно-функционального анализа. Автор часто ссылается на работы С. Г. Кордонского, известного исследователя структуры российского общества. И это не случайно, эти авторы вместе проводили множество исследований, посвященных изучению социальной структуры российского общества. Ю. М. Плюснин берет в качестве фундамента своего исследования идеи С. Г. Кордонского о противопоставлении институционализированной государством структуры социального общества и самоорганизующихся структур, вырастающих из локальных социальных объединений, наличествующих в российском обществе (Кордонский 2009). Подобные самоорганизующиеся структуры С. Г. Кордонским рассматриваются как архаические образования, сохраняющие свою идентичность в контексте различных изменений в государстве и обществе в целом. Ю. М. Плюсниным на эмпирическом материале доказывается это положение в рецензируемой монографии.

В своем исследовании автор использует качественную методологию: включенное наблюдение и интервью. Интерпретация и анализ жизни общества при помощи феноменологического метода позволяют автору усмотреть за этими данными роль социальной

структуры в функционировании провинциальных обществ. Наблюдение Ю. М. Плюсниным проводилось в наиболее значимых социальных объектах, затрагивающих основные сферы жизнедеятельности местных людей — музеи и библиотеки, церкви и мечети, школы, местные рынки и супермаркеты и прочие. Интервьюирование же автор проводил с теми людьми, которые считались авторитетными для жителей исследуемых провинциальных сообществ и отлично знали быт, нравы и другие особенности жизни местных жителей. Всякое проводимое Ю. М. Плюсниным интервью затрагивало целый ряд вопросов социальной жизни, каждому из которых уделяется должное внимание. Это как вопросы муниципального управления и отношений с государством, так и вопросы социокультурных и психологических особенностей социальной жизни местного населения. Кроме того, автор вводит документальные источники, официальную статистику и другую эмпирическую информацию, позволяющую получить целостное представление об исследуемом объекте.

Ю. М. Плюсин в своем масштабном исследовании обращается также к множеству признаков провинциальных сообществ и различным срезам их социального существования: экономическому, политическому, культурному, этнотерриториальному и пр. Особое внимание автор уделяет промысловой деятельности и ее роли в формировании провинциальных сообществ, обеспечении социальной консолидации их жителей. Важным положением, которое защищает Ю. М. Плюсин в своей работе, является тезис об отсутствии органического единства среди местных сообществ России. Он отдельно отмечает, что использует термин «провинциальное общество», и оно представляет собой скорее теоретический конструкт, нежели понятие, отражающее реальный, действительный феномен.

Однако вместе с тем понятие «местное сообщество» является отражением действительных признаков исследуемых им социальных образований. Учитывая географические характеристики России и степень коммуникативных связей между отдельными провинциальными обществами, Ю. М. Плюсин делает вывод, что институционально принятые способы обозначения их единства являются лишь идеологическими конструктами («российская нация», «жители провинции», «уфимцы» и другие обороты, употребляемые официальными лицами). Численность местных сообществ насчитывается от 1 до 40 тыс. человек, что позволяет формировать внутри них тесные социальные контакты, где каждый знает о другом не более чем через одного-двух знакомых. По Ю. М. Плюснину, один член такого местного сообщества может

быть лично знаком с числом примерно до двух тысяч человек. Кроме того, в исторической перспективе это единство становится тем фундаментом, который позволяет местным сообществам адаптироваться к меняющимся внешним условиям. Таким образом, выделяя феномен местных сообществ, Ю. М. Плюснин обозначает социальные пределы своего исследования.

Итоговый результат автор книги описывает следующим образом. В структуре провинциального общества присутствуют «квазисословия», которые определяются неформальными критериями принадлежности к «своим». Эта принадлежность позволяет пользоваться как государственными благами, так и продуктами теневой экономики по факту отнесения к этому кругу. Отсюда вырастает несоответствие между формальными критериями отнесения индивидов к классовой структуре и реальным положением дел.

Устройство жизни провинциального общества оказывает влияние и на жизнь крупных городов. Правящий класс при помощи рентной экономики и развития неформальных отношений с отдельными представителями местных сообществ стремится к сохранению своих предпочтений. Именно неформальный статус жителя провинциального общества определяет его положение. Типы неформальных объединений и связей Ю. М. Плюснин выделяет самые разнообразные: от банд и уличных группировок до профессиональных и религиозных объединений.

Вместе с тем автор утверждает, что формы социальной мобильности между представителями описанных неформальных сословий в провинциальных обществах практически не развиты. К примеру, людям, имеющим судимость или психические расстройства, сложно найти приемлемую работу, а представители высоких экономических слоев, несмотря на стремление подчеркнуть свою статусность через ряд внешних признаков, все равно поддерживают связи с представителями местных сообществ.

Но подобно тому, как предпочтения и доступность «теневой» экономики для жителей провинциальных обществ ускользают от взора официальной социологии, так и методы разрешения споров и конфликтов также зачастую выходят за пределы институционально принятых правил. А если решение этого взаимодействия касается правового поля, то, как правило, его начало было сформировано из неформальных отношений между людьми. Наибольшую угрозу местные сообщества видят в крупных коммерческих компаниях и их индустриальных проектах, излишнем вмешательстве государства в привычный уклад жизни общества или во влиянии крупных криминальных структур.

Примечательно, что местные сообщества не являются простейшей единицей существования провинциальных обществ. Такой простейшей единицей автор называет общины, из которых слагаются местные сообщества. В этом утверждении Ю. М. Плюснин не согласен с общесоциологической тенденцией, говорящей об атомизации индивидов в современных обществах. Для Ю. М. Плюснина атомизация индивидов есть феномен только больших городов, и соответствующие социальные особенности функционирования в больших городах, о которых писал еще Г. Зиммель, оказываются несвойственными для провинциального общества (Зиммель 2002). Общины Ю. М. Плюснин определяет как «группу людей, связанную родством, свойством живущих в одном месте и находящихся в непосредственном взаимодействии» (Плюснин 2022: 27). В этом смысле Ю. М. Плюснин выступает с холистических социологических позиций, видя в общине как таковой, структуре, довлеющую над отдельным индивидом.

Примерно 10–20 общин формируют совокупность деревенских поселений, обладающих исторической, географической и экономической общностью, они и представляют собой местное сообщество. Ю. М. Плюснин отмечает, что подобные сообщества формируются из отдельной общины органическим образом. В течение нескольких поколений община разрастается, формируя тесные социальные связи с соседними общинами и образуя собой местное сообщество. Где-то, например на Дальнем Востоке, множество общин являются переселенцами, не проживавшими на этих землях исторически. Ю. М. Плюснин показывает, что формирование таких общин в полноценные местные сообщества несколько затруднено этим фактором, однако сегодня эти процессы происходят.

Малые города являются центрами для местных сообществ. Однако роль этого центра от одного местного сообщества к другому будет немного варьироваться, от одной провинции к другой Ю. М. Плюснин обнаруживает различные факторы социальной консолидации, обеспечивающие единство местного сообщества. К примеру, на Урале малые города часто концентрируют в себе людей, объединенных общей профессией, а на Кавказе — этническим происхождением. С развитием городов общинная идентичность начинает расплываться и уничтожаться (как некая угроза). Автору удалось показать, что они способны адаптироваться к угрозам и даже извлекать из них пользу для сохранения собственной общины. Современные средства массовой коммуникации часто понимаются как способ преодоления кризиса идентичности. Некоторые авторы даже говорят о феномене глокализации как процессе

интенсивного поддержания коллективной идентичности в условиях всеобщей глобализации. Ю. М. Плюсниным эта тенденция обнаруживается и в местных сообществах, которые используют современные средства связи для самоорганизации в малых городах, для поддержания тех коммуникативных связей, которые сложились в ходе естественного развития общины и ее роста до местного сообщества.

Это лишь отдельные проявления способов социальной организации местных сообществ. Всего Ю. М. Плюснин говорит о четырех способах организации местных сообществ, которые можно встретить в современной России: коммунальность, координация, коммуникативность и общность представлений.

Первый тип характеризует хозяйственную сторону социальных отношений в местном сообществе, где люди объединяются по принципу единства труда и произведенных ресурсов. Второй тип координации связан с объективной необходимостью постоянного согласования действий ввиду хозяйственных, географических и других факторов, определяющих способ выживания общности. Третьим типом выступает коммуникативность. Она может быть выражена в языковых структурах, использовании редких языков, пиджинов, диалектов, а также обостренного альтруистического чувства по отношению к представителям собственного местного сообщества. И, наконец, четвертый тип установления единства в местных сообществах связан с идеологической структурой их общественного сознания, в котором присутствуют общие представления о собственной истории, способах структурирования быта, обрядово-религиозной жизни и других мировоззренческих установок.

В свою очередь, каждый из этих типов сообществ классифицируется Ю. М. Плюсниным на ряд типов. В своей сути эта классификация и отражает социальную структуру российской провинции, расходящуюся на множество признаков. Так, автор различает провинциальные общества по критерию их долгожительству на древние, старые и новые. К древним обществам относятся все те поселения, которые были основаны ранее 1521 г., к старым — основанные в период с 1521 по 1860 г., и, соответственно, новые — в период с 1861 по 1960 г. Кроме того, Ю. М. Плюснин дифференцирует общества по своим пространственным характеристикам. Он выделяет изолированные общества и общества, имеющие природные границы с другими обществами, а также турбулентные, для которых свойственна причастность к важным для государства инфраструктурным сетям, и ординарные общества,

пространственное отношение к важнейшим инфраструктурным сетям страны которых не играет серьезной роли. К этой же классификации относятся и внутренние и внешние типы генезиса общностей, где в первом случае они появляются на территории органическим образом, а во втором — принудительным.

Данная структура, согласно автору, определяет устройство местного центра. Те провинции, планировки которых образуют улицы, являются разросшимися до городов деревнями. Радиально-кольцевой тип устройства города свидетельствует о том, что он изначально формировался как укрепление. Регулярный тип планировки, характерный, к примеру, для Санкт-Петербурга, показывает, что город является важным управленческим центром страны. И, наконец, разбиение местного центра по секторам свидетельствует о его экономическом значении.

Автор заключает, что многообразие типов социальной солидарности сводится к двум основам «бытования» — территории и промыслу. Под бытованием Ю. М. Плюснин понимает сферу повседневного существования местных сообществ, система социальных связей которых формируется на основе локального социального статуса отдельного индивида. Отсюда высокая замкнутость местных сообществ и практически полное отсутствие в их социальной структуре деления на «своих» и «чужих». Сам локальный статус при этом определяется степенью социального признания отдельного индивида среди представителей своей общности. Наличие множества тесных связей, переплетенных различными сферами жизнедеятельности, согласно автору, сигнализирует о весьма высокой степени устойчивости местных сообществ. Этот тезис кажется контринтуитивным, поскольку подавляющее большинство современных социологических исследований говорят о стирании локальных сообществ, уничтожении языкового и этнокультурного многообразия.

Однако сложно будет также сказать, что автор игнорирует эту проблему. Более вероятно то, что Ю. М. Плюснин видит угрозы местным сообществам не столько со стороны глобальных процессов, но и со стороны непосредственно российского государства. Дело в том, что социальное устройство местных сообществ зачастую формирует в себе структуры, которые оказываются «скрытыми» от «официальной» социологии, которая фиксирует лишь процессы самоорганизации в отчужденном от их источника виде.

Основной мыслью текста выступил тезис о том, что архаическая природа общин определяет их скрытность в перспективе российского

общества в целом. Эти архаические структуры российских провинциальных обществ проявляются в соседских и родственных отношениях, формирующих статусную систему включенных в них индивидов. Различные формы совместной деятельности вроде промысловой выступают как материальный базис существования таких обществ. Вместе с тем всякое провинциальное общество России в своей динамике непрерывно сталкивается с угрозами их внутренней идентичности. В связи с этим хозяйственный уклад становится инструментом адаптации к новым реалиям, позволяющим при различных обстоятельствах сохранять свой внутренний фундамент и социальную идентичность. Это демонстрирует весьма гибкий характер провинциальных обществ и высокую степень адаптивности к внешним изменениям. Именно эти устойчивые структуры провинциальных обществ, отличающиеся высокой степенью адаптации, являются наиболее архаичными и наиболее неуловимыми с точки зрения официальной статистики и государственного восприятия этих сообществ.

Кроме того, в работе заметна скрытая критика эволюционного представления развития обществ. Автор исходит из неизменности общественных отношений и структур. Меняется степень сложности этих структур и специфика элементов, однако отношения и связи между ними остаются устойчивыми. На примере российских провинциальных обществ автор демонстрирует эту устойчивость общественных отношений, вокруг которой вырастают адаптивные механизмы по отношению к внешним изменениям. Внешние изменения оказываются неспособными демонтировать социальные отношения в провинциальных сообществах, однако сами сообщества вынуждены непрерывно разрастаться и подстраиваться под все новые реалии общественной жизни. Одним из таких ключевых внешних изменений выступило новое состояние государственности России, начавшееся еще тридцать лет назад. Однако Ю. М. Плюснин показал, что эти изменения фактически не повлияли на фундаментальное ядро местных сообществ. Их механизмы гибкости и адаптации оказываются сильнее, чем мировые и российские потрясения.

Несомненным достоинством этого исследования выступает релевантность используемых автором социологических понятий для описания российской действительности. Терминология западных учений о социальной стратификации оказывается часто неприменимой к российской провинции в силу сохранения сословности российского общества. Эта сословность не является возвратом в доклассовое состояние общества, но выступает в качестве специфического для российской действительности феномена. Это позволяет Ю. М. Плюснину сформировать подлинно

исследовательский труд, который наименее подвержен идеологизации. Отношения власти и общества рассматриваются не через позицию их противопоставления в рамках общей социальной системы и ее внутренней структуры. Сущность этого противопоставления обнаруживает себя в устройстве самой структуры, а не связанных с ней с элементов.

Рецензируемая монография крайне актуальна своей теоретической новизной. Такие выделенные автором социальные феномены, как отходничество, промысел, рассеянные мануфактуры, не могут быть рассмотрены вне родственно-соседских отношений и статусной системы и по своей сути представляют собой ядро этих феноменов. Подобная системность позволяет автору проанализировать уникальность каждой провинции, уровень интеграции в сообщество, личностный статус и уровень хозяйственной автономии.

Таким образом, работа Ю. М. Плюснина оказывается одной из ключевых для современной социологии. Проведенное им исследование пробуждает интерес к изучению других форм социальных общностей, присутствующих в современной России и отличных от провинциальных. Речь идет как о деревнях и селах, так и о больших городах, социальная структура которых, возможно, также должна иметь фундаментальное и неизменное ядро. Именно это направление исследований может послужить развитием и перспективой для тех идей, которые были отображены в рецензируемом тексте.

Источники

Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. — 2002. — Т. 3, № 34. — С. 1–12.

Касабуцкая М. С. Глокализация и особенности межкультурного взаимодействия // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2015. — Т. 206. — С. 205–212.

Кордонский С. Г. Административно-территориальная структура и ее ресурсно-сословная природа // Мир России. Социология. Этнология. — 2009. — Т. 18, № 3. — С. 3–38.

Иноземцев В. Л. Собственность в постиндустриальном обществе и исторической перспективе // Вопросы философии. — 2000b. — № 12. — С. 3–13.

Плюснин Ю. М. Социальная структура провинциального общества. — М.: Common Place; Фонд социальных исследований «Хамовники», 2022. — 448 с.

Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность [Текст] / О. И. Шкаратан; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 526 с.

Сведения об авторе

Александров Максим Алексеевич,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия.
aleksandrov.m@hse.ru

Статья поступила в редакцию: 19.03.2025;
поступила после рецензирования и доработки: 15.04.2025;
принята к публикации: 15.04.2025.

MAKSIM A. ALEKSANDROV

*HSE University
St. Petersburg, Russian Federation*

PROVINCIAL COMMUNITIES IN MODERN RUSSIA**BOOK REVIEW:**

Plyusnin Yu. M.

**Social Structure of Provincial Society. —
Moscow: Common Place;**

**Social Research Foundation “Khamovniki”,
2022. — 448 p. ISBN 978-5-6046947-6-3**

Abstract. The monograph by Yu. M. Plyusnin “Social structure of provincial society” is a generalization of many years of the author’s research of three hundred provincial cities of Russia. The scientist pursues the main goal — to study the social structure of provincial societies, which includes the principles and mechanisms of their interaction, taking into account the specific characteristics of each region. The methodological framework of the study is the phenomenological approach and the method of structural-functional analysis. The author of the monograph places the main emphasis on participant observation and interviews when collecting empirical data.

Keywords: province, community, social structure, qualitative methodology

For citation: Aleksandrov M. A. Provincial Communities in Modern Russia. Book Review Plyusnin Yu. M. Social Structure of Provincial Society. — M.: Common Place; Social Research Foundation “Khamovniki”, 2022. — 448 p. ISBN 978-5-6046947-6-3. St. Petersburg Sociology Today. 2025. No. 27. P. 108–119. DOI: 10.25990/socinstras.pss-27.0d8k-ez49; EDN: WRHEEM

References

- Simmel G. Big cities and spiritual life. *Logos*, 2002, vol. 3, no. 34, pp. 1–12. (In Russ.)
- Kasabutskaya M. S. Glocalization and features of intercultural interaction. *Works of the St. Petersburg State Institute of Culture*, 2015, vol. 206, pp. 205–212. (In Russ.)
- Kordonsky S. G. Administrative-territorial structure and its resource-class nature. The World of Russia. Sociology. *Ethnology*, 2009, vol. 18, no. 3, pp. 3–38. (In Russ.)
- Inozemtsev V. L. Property in post-industrial society and historical perspective. *Questions of Philosophy*, 2000 b, no. 12, pp. 3–13. (In Russ.)
- Plyusnin Yu. M. Social structure of provincial society. Moscow, Common Place; Social Research Foundation “Khamovniki”, 2022. 448 p. (In Russ.)
- Shkaratan O. I. Sociology of inequality. Theory and reality. O. I. Shkaratan; Nat. research. University “Higher School of Economics”. Moscow, Publishing house of the Higher School of Economics, 2012. 526 p. (In Russ.)

Information about the author

Aleksandrov Maksim A.,
HSE University,
St. Petersburg, Russian Federation.
aleksandrov.m@hse.ru

Received: 19.03.2025;
revised after review: 15.04.2025;
accepted for publication: 15.04.2025.